

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, автор 34 художественных, историко-краеведческих, публицистических и научных книг, прозаик, публицист, критик. Член Союза журналистов России, кандидат философских наук. Почётный гражданин Балтийского городского округа, почётный член философского делового клуба, заместитель президента Всемирной Информэнциклопедии-Калининград, член редакционного совета журнала «День и ночь» (Красноярск), член жюри Литературного конкурса «Новая Библиотека» – премии имени святых благоверных Петра и Февронии.

НА ЯЗЫКЕ ОТЦОВ И ДЕДОВ

Диптих

Поклон родной деревне

О книге Михаила Позднякова «Голос» (Минск, 2023)

Михаил Поздняков родился в 1951 году в Быховском районе Могилёвской области, так же как и я, только он в деревне Забродье, а я – в Хомичах.

Он окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Работал школьным учителем, научным сотрудником Института языкознания АН Беларуси, главным редактором издательства «Юнацтва», сатирического журнала «Вожык», журнала «Нёман». В настоящее время председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. Михаил Поздняков – поэт, прозаик, переводчик, критик, языковед, публицист, автор более ста книг на белорусском, русском и других языках для юных и взрослых читателей. Лауреат 34 республиканских и международных литературных премий, включая Национальную литературную премию Беларуси. В качестве учёного-исследователя составил академический «Словарь эпитетов белорусского литературного языка» (1988), второе издание – в двух томах (2012), является одним из авторов русско-белорусского и белорусско-русского орфографических словарей (1992, 1994). Автор «Школьного словаря белорусско-русских омонимов». Имеет государственные награды. Член Правления Союза писателей Беларуси. Член Правления Союза писателей Союзного государства. Заслуженный деятель культуры Республики Беларусь (2023). Председатель общества дружбы «Беларусь – Россия» (с 2018). Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств (2016). Академик Международной академии русской словесности (2023). Директор Театра поэзии (с 2016). Живёт в Минске.

В текущем году вышла его книга прозы «Голос» о мужестве и человеческом достоинстве, о преданности своему народу, о вере в добро, о людях, живущих в его родном краю, на Быховщине Могилёвской области. Сборник открывается повестью «Выход всегда есть...», которая посвящена реальному человеку и событиям, относящимся к периоду Великой Отечественной войны. В самом её начале трое краснозвёздных советских бомбардировщиков разгромили танковую колонну наступающего врага в районе городка Березино на шоссе Минск – Могилёв. Мужественный и отважный командир воздушной тройки Василий Зыков был сбит немецким самолётом, успев прыгнуть с парашютом. Будучи раненным в ногу, он пытается догнать отступающие части Красной армии, но не может двигаться быстро из-за повреждённой ноги и присоединяется к партизанскому движению, возглавив разведку в партизанском отряде.

Василий Зыков разворачивает активную деятельность, не сомневаясь в своём выздоровлении и в победе над фашистской Германией. Благодаря его человечности, тонкому пониманию характеров окружавших его людей, он быстро сближается с тщательно подобранными членами партизанского отряда, на интуитивном уровне вычисляет предателя. Духовные основы жизни своего народа для

Василия святы, он отчётливо видит страну как сообщество, которому присущи боль и нравственная высота. Духовный фон, на котором происходят тяжелейшие испытания людей, оказавшихся в оккупации, – это понимание ими, что начавшаяся война – это моя «личная война» с фашизмом, понимание, углублявшееся всё сильнее с ежедневным зверством оккупантов.

Василий Зыков пал смертью героя незадолго до освобождения Беларуси от фашистских захватчиков. Но его род продолжился – через несколько месяцев после его гибели появилась на свет его дочь Галина, долгое время потом работавшая в военном городке в Быхове, а её муж Евгений Лаврутин служил прапорщиком в Быхове. У них двое детей: сын Анатолий и дочь Ольга. Анатолий – полковник Вооружённых сил России, Ольга – военнослужащая Беларуси. На их выбор профессии, конечно, повлиял их дед Василий – отважный лётчик и командир партизанской разведки. Кстати, Галина Васильевна – двоюродная сестра автора повести. Родная сестра Василия Зыкова Маша стала после войны матерью Михаила Позднякова. Умерла Мария в 1996 году в деревне Ямное, где и похоронена.

К этому следует добавить, что уже после смерти моей мамы её сестра – Нина Ивановна Отставная – рассказала мне историю о том, как моя мама Мария Ивановна Отставная вместе с её подругой и двоюродной сестрой Александрой Николаевной Парфировой спасли советского лётчика, упавшего с парашютом у деревни Хомичи после воздушного боя с немецкими самолётами. Маме было 16 лет, и на ней лежали заботы о большой семье, поэтому в тот день она ходила на большой луг, простиравшийся по берегу Друти, за щавелем и обнаружила спрятавшегося под кустом лётчика, побежала за Александрой, и они вдвоём помогли раненому добраться до дома моей мамы, где спасённый лётчик переночевал, отдохнув, подкрепившись и обработав раны.

Боясь, что в деревню Хомичи нагрянут немцы, лётчик ушёл в сторону деревни Езва, перейдя вброд речку Грезу. Тётя Нина также добавила, что после освобождения деревни Хомичи Александра Парфирова за спасение лётчика была награждена медалью, не помнит, какой, ведь она была ребёнком, а моя мама Мария в это время уже была мобилизована на фронт. Теперь уже невозможно установить, был ли это Василий Зыков тем лётчиком, которого спасли подруги-хомичанки, но меня история, рассказанная Михаилом Павловичем, не оставила равнодушной.

Михаил Поздняков уверен, что партизаны, подпольщики, фронтовики – лучшие люди, которые встали на защиту Родины. Их судьба не может не волновать писателя. «А какие тяготы пережили те, кто остался в оккупации? Матери, сёстры, дети... Их подвиг до сих пор ещё в достаточной мере не осознан, не возвышен, а ведь им памятники ставить надо».

Их потомки – сегодня носители ответственности, порядочности, бдительности. Герой повести «Письмо домой» Степан Петрович, живя у самой белорусской границы, помогает в поисках бандита, намерившегося пересечь границу. И лучшие черты Степана Петровича сформировала природа Беловежской пуши, в которой он живёт.

Он «прирос к родным местам, чувствует и понимает здесь каждое дерево, каждую птицу, в любую погоду ему хорошо и уютно в пуше». (*Перевод здесь и далее на русский язык Л. Д.*) Жена Степана Петровича оставила его и живёт у сына в столице. «Не пуша виновата, – рассуждает герой повести. – Если любишь человека по-настоящему, разве природа этому помеха? Наоборот. Живи, дыши полной грудью, ощущай наслаждение!.. Плохо, если люди убегают от красоты. Ещё хуже, если разрушают её. Человек ведь – частичка природы, и без неё он погибнет... Что же это будет, если все землю родную бросим, соберёмся в каменных джунглях?.. И человек окаменеет, не будет способным услышать, как ласково перекликаются лесные фиалки. От такого тогда добра не жди»...

Книга наполнена любовью к людям, писатель чутко реагирует на проявление тепла и лучезарности его героев, лучистости и душевности. Такова героиня повести «Голос», давшей название всему сборнику. Красота девушки, пришедшей к автору с просьбой об организации праздничного вечера вместе с матерью и эстрадной певицей Надеждой, – обаятельная, тёплая, искренняя, одухотворённая – «как-то сразу взволновала меня, хотя я и держался спокойно и по-деловому. С первого же мгновения солнечный взгляд её зеленоватых глаз взволновал сердце доверчивой лаской и нежностью, искренней лучистостью». У очаровательной красавицы оказался ещё и голос дивной красоты:

«Она очаровывала, гипнотизировала благозвучным, шёлковым, мелодичным, ласковым голосом. Боже, что за чудо! Какой приятный, тёплый голос! Такой таинственно-волнующий, с внутренним достоинством! И, показалось, знакомый! Откуда?! Где и когда я слышал его?! Голос, казалось, пленил меня. Он выплывал из памяти незабываемо-невероятным, сладким сном».

Писатель с проникновенным лиризмом создаёт образы членов своей семьи, друзей и близких по духу людей, чистых, как родниковая вода. Он тонко чувствует их мир, часто уязвимый в заботах о хлебе насущном. Мир его деревни Забродье, образ матери, его корни – большая лирическая тема родного края, где живут свет и радость, красота и благодарность преданного сына своего края, своего народа.

Быховский район – красивый уголок земли, где живут красивые душой люди, которые самоотверженно трудятся и делают всё с любовью. Любовь ощущается, когда видишь, как они работают, как принимают гостей, как улыбаются, как они творят сами свою историю, созидают себя сами, смело стоят перед трусостью, потребительством, перед враждебными силами.

Они с мягкостью и нежностью относятся к родной земле, как и их предки, которые всегда вели борьбу с силами духовного распада. Они бурлящий дух, бодрый и энергичный, и можно сказать, что они ведут мир за собой, внося в него великие идеи и нравственные силы.

Открывая книгу «Голос», я ловлю себя на предчувствии необычного, насыщенного духовными вибрациями чтения, наполняющими душу встречи с прекрасным, и не обманулась. Как любит мастер слова своих современников, с какой тщательностью находит краски для свежести и остроты их восприятия, наполняя читателя гармонией благодаря его тончайшему внутреннему слуху. Сколько ласки и нежности получаем мы, читая его размышления о материнском сердце: «Сколько тепла, света и чистоты рождается в нём! Материнская любовь! Что может быть глубже её?! Разве только любовь к Родине, к родному краю. Материнская вера, материнская надежда! Они бесконечные, как сама жизнь.

Чем дальше, тем больше и острее чувствую их жизнедеятельность, всемогущество и величие. И не только потому, что с каждым годом всё дальше и дальше моё последнее расставание с мамой – щедрой и хлопотливой, как пчёлка, доброй, внимательной и чуткой, как никто» («Материнская надежда»).

Читая Михаила Позднякова, ты думаешь о том, что в его жизни нет без пользы прожитых дней или лет, что его книги – подарок своей стране и отдельному человеку, заглянувшему случайно или целенаправленно в наполненный светом глаз героев его стихов и прозы.

Сразу всё богатство его образов, его размышлений не охватить взглядом, не вместить в душе, и я долгое время провожу в этом храме метафоричного слова, чтобы навсегда наполниться внутренней лучезарностью и вселенским солнечным светом: «Какое это, оказывается, невысказанное счастье – медленно брести через пятьдесят лет той же полевой дорожкой, которая помнит тебя ещё совсем малышом и где ты босиком ощутил в своё время каждый камушек и каждую впадинку. Идёшь, раскрепощённый, умилённый родными окрестностями, и кажется, что и рожь с обочины кланяется тебе тяжёлыми колосьями, как и пятьдесят лет тому назад, и васильки такими же синеокими звёздочками освящают тебя своей нежностью... В какой-то миг тебе покажется, что ты вихрастый мальчик, для которого всё, что вокруг, – такое любимое, красивое, загадочное, волнующее. Будто у тебя за плечами не было ни испытаний, ни утрат, ни боли. И всё у тебя ещё впереди – таинственное, неразгаданное, высокое, чудесное, великое...» («Счастье»).

Такой видится Родина, слившаяся в единое прежнее с сегодняшней, такой вечной и мудрой. Вместе с автором читателя охватывает счастье узнавания своей малой Родины, своих чувств, когда ты ощущаешь благодарность писателю, когда хочется и петь и плакать от переполняющих тебя чувств.

Михаил Поздняков в своём поэтическом мире в нежных красках и звуках природы, людского труда смог выразить свою связь и тяготение к духовному постижению жизни. Цветы и медовые травы, золотисто-коричневая палитра, оранжевая морковь на торфяном поле – это трепетность и изящество, это борьба осознанного человека с хаосом и энтропией: «И травы среди кустарника, на балотинках забродские мужчины выкашивали старательно, собирали в стога сено, готовя про запас». Сбор моркови, оставшейся в земле, начальство запрещало из-за своей бездумности: «Радуюсь за моих трудолюбивых земляков, среди которых рос и набирался ума, за то, что были они настоящими хозяевами родной земли. Я свечусь радостной улыбкой, вспоминая весну, когда мои односельчане спасли колхозный скот, отдав свои несколько тонн моркови и с десятков стожков сена» («Мои земляки»).

Михаил Павлович с любовью смотрит на картины жизни своей деревни Забродье, и чувствуется, что они целители его души. Привлекает чистота его взгляда, нежность, энергия молодости, мысли о счастье и невозможности его.

Мы всматриваемся вместе с писателем и вместе с ним переживаем необходимость возрождения деревни, разделяем грусть и сожаление от человеческого безразличия, заброшенности когда-то красивых родных мест: «Вдоль реки Забродчанки осушенные торфяники. Раньше на них возвышались крутобокие стога, роскошествовали разнообразные цветы, а теперь на них раздолье для полыни, крапивы и лозняка. А сколько я тут поработал в своё время рядом с отцом – с косой, граблями и вилами. Не один гектар травы положила здесь моя бойкая, певучая коса. Десятки стожков каждое лето вырастали здесь стараниями моих рук» («Тропинками детства»).

Глубинную значимость родной земли высоко оценивает известный писатель, он не скрывает своего восхищения повседневным бытием, которое чем дальше по времени, тем милее сердцу. Ловля рыбы в реке, божественный вкус родниковой воды: «Помню, как отец впервые меня, малыша, привёл к роднику, как я был очень взволнован таинственным дыханием и серебристозвонным напевом родника-крынички, кристальностью и вкусом воды. Казалось, я попал в какую-то сказку, в её зачин, и меня ждёт удивительное продолжение, открытие невероятно красивого. Королёва крыничка... Какое приключение, какая загадка! Какая мелодия! Поинтересовался тогда у отца – самого большого философа и моего наилучшего учителя – почему так называется родник? Отец солнечно улыбнулся и вывел меня из мечтательного состояния, объяснив, что родник назван в честь его друга Николая Ивановича Короля, который живёт рядом в Стаховщине. К нему отец и повёл меня тогда от родника. Дядю Короля, седого, ласкового и доброжелательного, я, оказывается, уже знал в лицо: он раньше бывал у нас, помогал отцу пилить доски, достраивать вторую половину дома... Но моё сказочное настроение продолжалось в саду дяди. Чем он только меня ни угощал! А полную вазу клубники, перетёртой с сахаром, её притягательно-сладкий аромат помню в подробностях и сегодня. У нас, в Забродье тогда ещё не было клубники» («Мои земляки»).

Жаль расставаться с книгой Михаила Павловича, снова и снова буду к ней возвращаться – в это прекрасное собрание произведений, где нет казённости, а составлена композиция из судеб любимых людей, живущих в атмосфере добра. Благодарность и поклон писателю за приверженность и верность языку своей матери, передавшей и открывшей сыну благородное и величественное понимание мира, его красоты и гармонии. Михаил Поздняков не навязывает своего мнения, но его взгляд на жизнь его края, наполненный чувством уважения и любви, убедителен высоким устремлением. Он подарил радость общения с близкими по духу людьми, естественно создавая вокруг себя среду служения общему Благу на земле.

Неприхотливую природу и белорусскую традицию он наполняет тем, что есть прекрасного в цветах и деревьях, в глазах одухотворённых людей, во взаимоотношениях мужчины и женщины: «Родной, незабываемый край! Моя тихая, живописная родина! Здесь я сделал свои первые шаги в жизнь, в литературу, к людям. Тут я открыл первые тайны, познал первую, горячую боль, первые радости и увлечения. О нём – мои самые сокровенные и чуткие воспоминания. Сюда, где бы я ни находился, тянет меня дорога. Тут и сегодня черпаю силы, вдохновение, свет, доброту, красоту, без которых невозможно жить по-настоящему».

Михаил Павлович уверен в том, что самая большая боль для человека – это утрата связи с родной землёй, поэтому так хочется ему окунуться в свет детства, поклониться своей родной деревеньке, поблагодарить те места, которые наполняют душу красками всех оттенков, песнями людей и звуками природы, выразить признательность родителям, от которых взял с собой в жизненный путь искренность, силу воли, веру в добро и справедливость, настойчивость в труде, уважение и любовь к Отечеству: «Человек, глубина его души измеряется любовью к родной земле, к труду, к матери. Это и начало, и источник духовности» («И поклонюсь родной деревне»).

Голос то своей деревни, то его односельчан, то любимого поэта Максима Богдановича, то его учителей, то родителей, то родных и близких людей звучит на протяжении книги Михаила Павловича. И всё, что ни делает этот безбрежно творческий человек, это, говоря его же словами, освящено «чувством счастья», единства с окружающим миром. Это его философия. Читатели принимают его книги, потому что они осознают единство с окружающей природой и с миром, приподнимающим тебя, читающего, над собой в постижении смысла жизни, наполненной голосами прадедов, современников, записанной для потомков.

Поэзия «на языке отцов и дедов»
О книге Игоря Григорьева «Русский урок» (Лениздат, 1991)

Только б русскую душу на ветер
Не пустить – ни про что – никогда.

Игорь Григорьев

Совесьть, обострённая, глубокая, – суть творчества воина и поэта Игоря Григорьева, видевшего кровь и гибель, но знавшего, что за ними сияет свет Богородицы, Родины, матери...

Обесцененные сейчас руками прозападной либерально-русофобской, слепой к ценностям своей Родины и своего народа силой, занявшей чуть ли не повально ключевые посты в сфере культуры, истина, любовь и совесть живут в творчестве подлинных поэтов и сыновей России, таких как Игорь Григорьев, творчество которого близко и родственно читателю соответствием голоса поэта духу страны, такой скупой на ласку именно таким творцам.

Столетие Игоря Николаевича Григорьева (1923–1996), русского поэта и переводчика, участника Великой Отечественной войны, подпольщика и разведчика, – это повод пристальней всмотреться в его биографию, в которую вместились встречи с самыми выдающимися русскими писателями и художниками, его современниками: Валентин Распутин, Василий Белов, Фёдор Абрамов, Валентин Пикуль, Николай Рубцов, Илья Глазунов, Александр Твардовский – и это далеко не полный список. Всех их объединяет пронзительная любовь к России.

В год 100-летия поэта мне удалось побывать в Городке Витебской области на Днях белорусской письменности, и благодаря Наталье Советной, известному поэту, прозаику, публицисту, – в доме, где жил Игорь Николаевич, написав здесь пять поэтических книг и пять книг переводов. Обладая глубинной чуткостью к слову, он занимался поэтическими переводами с прибалтийских языков, с украинского, белорусского, азербайджанского, эвенского, марийского, калмыцкого, коми, хантийского, с бенгальского.

Аура доброжелательного дома напомнила о счастливых годах в жизни Григория Григорьева, сына Игоря Николаевича, описанных в книге «Ветер радости. Городокское приволье» (СПб, 2021).

Игорь Григорьев был скрупулёзным мастером поэтического дела. Его совесть диктовала ему возвращение к уже не просто написанным стихам, а даже к изданным. Он вносил поправки в живое, обращённое к читателю осмысление своего бытия, обжитого среди неуываеваемой любви к своей семье, деревне, Родине.

Глубочайший мыслитель, он писал: «*В жизни я дорожже всего ценю веру, любовь, доброту, красоту и талант*»; «*Я не мыслю себя без России... Время и безвремяе понимаю как... несокрушимый сплав будущего, настоящего и прошлого*».

Игорь Николаевич умер на следующий день после ухода его матери от сердечного приступа, ощущая неразрывную связь с его матерями: «*Было и есть у меня три матери: Первая – Богородица – Царица Небесная, Вторая – Родина – Россия чудесная, Третья – моя матушка Мария Васильевна прелестная*».

В повседневной жизни находил он знаки красоты духовной, соединив их в слове с собственной жизнью, переходя от наглядного – к нерукотворному.

Его почитание и привязанность к «трём матерям», сочетание тайных, сокровенных отношений с Богом и родной землёй – это огромные поэтические величины, нравственно окрашенные глубокими, сильными переживаниями. И нам так важно и духовно целительно приникнуть к авторской интонации, радостно отзывающейся в сердце узнаванием родного и вечного.

В стихотворении «Русь новая» (1958) поэт отмечает:

*Кленят стволы,
И месяц над асфальтом синерогий.*

*...И песни удивительной судьбы,
Ликующие в доме новосёллов.*

*...Двухэтажный клуб,
Залитый электричеством и смехом.*

*И след звезды,
Сгорающей дотла,
И след звезды,
Зажжённой человеком.*

Позже Игорь Григорьев переделает это стихотворение, уже назвав его «Русь звёздная»:

*И след звезды, сгорающей дотла,
И взлёт звезды, зажённой человеком.
И наша жизнь, уж тем одним светла,
Что носит в чреве встречу с Новым Веком.*

За окном новый век, вдохновлявший певцов небесной силой и созидательным трудом человека, новые слова и идеи, и великое предстояние русского песнопевца перед земной историей, преподнёсшей в 21-м веке ещё большие испытания духа в разврате европейских ценностей, тщательно экспортируемых в Россию щедро оплаченными «засланцами».

Струющийся золотой свет любви к жизни, к людям, природе, женщине, пронзённый болью потерь, предательства («В том строю не принимал я много, в этом строе отрицаю всё!»), нашёл творческое выражение в книгах «Всё перемелется» (автобиографической), цикле из шести рассказов о природе «Земля и вода», в пьесе «Чёрные дни».

В горьком стоицизме поэта родились поэмы «Стезя», «Колокола», «Обитель», «Двести первая верста», «Благословенный чёртов путь», «Русский урок».

Вячеслав Шонин в предисловии к сборнику «Русский урок» писал о Григорьеве: «Есенин говорил о себе – я последний поэт деревни, а Григорьев – поэт последней деревни». Помню, как отозвались во мне эти слова, когда была я в гостях у писателя В. Бычковского в деревне Бобровичи Брестской области, и Вениамин тогда сказал, что накануне в деревне умерла последняя лошадь.

За тему уходящей деревни и тему насильственного принуждения её жителей переселиться в городские джунгли (возьми ту же повесть Валентина Распутина «Прощание с Матёрой»), где теряли они свои корни, пострадали многие русские писатели. «Я родине моей не изменял, – писал Игорь Григорьев с высоты своей души и совести. – Я убивался с ней в глухую полночь, но родине своей не изменял». «Пусть обнесён и хлебом, и вином», – продолжал певец, не снимая вины с себя и таких, как он, что «верящих в молчанье грозно свергнув, поверила она в лишённых веры. Её беда – не наша ли вина?» «От зябкости её не холодея», оставаясь сердцевинной родной земли, почвенные поэты России опирались на веру в её величие:

*Так почему же не найдёшь
Земли дорожке?
Так почему же холодны
Края чужие,
А здесь седые валуны –
И те живые,
И каждый колос в борозде
Любим до боли?
Знать, жизнь и счастье у людей –
Родное поле.*

Загадкой были и остаются русичи для умствующих европейцев, для них непостижимо, что «смолчат под болью, над смешным заплачут // И не пожрут – накормят беззащитных».

*Нам – внукам, сыновьям, отцам и дедам
Микул и Муромцев, Сусаниных, Пожарских,
Кольцовых и Есениных, Иванов –
Высокого родства не занимать.
И не одни они России светят:
Есть и другие, хоть не лишек – есть.*

Григорьев здесь выступает продолжателем поэтического утверждения достоинства русских в красноречивых фразах А. В. Суворова, в стихах А. С. Пушкина («Клеветникам России...»), Ф. И. Тютчева: «Напрасный труд – нет, их не вразумишь, – // Чем либеральней, тем они пошлее», Александра Блока («Скифы»).

Рядом с ними Игорь Григорьев:

*Вы морицитесь? Ну-ну! Переживём.
Ведь знаете, как русским жилось-былось:
Нас, кровных солнцелюбов, с тьмой бездонной
Мечом, огнём и ложью обручали
Чужие и свои, но всё одно – враги.
Зря лыбятся, в историях копясь,
Зубря, как вороньё сжирало нас,
Как с тучных нив, политых жарким потом,
Просоленных и выкрасенных кровью,
Пришельцы алчные хозяев гнали
В пустые горы, в глухомани, в дрягву...*

*Чем было жить? Земные, как любовь,
Коль звал сполох на сечу, мы, миряне,
Булату отдавали наши руки
И сокрушали пришлых – всех и вся.*

*А годы шли, текли в небытие:
Спадало пламя гнева и расплаты,
Смирнели мы, прощая всем и всё,
И новый прах, и пепел обретали.
И снова в битвы, смертью смерть поправ.*

*Нет, русичи – ничуть не антимир,
А мир Земле (чего ж тут не понять?),
И Русь не сфинкс – сестра народам мирным.*

*Вам не знакома русская душа?
Бубните: «Сказка: не продашь, не купишь».
То правда: непродажный инструмент.
Она, как жизнь – ранима, да бессмертна.
Душа у нас всегда была владыкой –
Бескрайней, доброй, чистой и печальной,
И непреклонной: если разбудить!*

Вспоминается немецкий философ Иоганн Гердер, который в 18-м веке, когда ещё не было мировых войн, написал о вине англосаксов перед славянами: «...поскольку они никогда не претендовали на мировое господство... лишь бы спокойно жить на своей земле, то некоторые народы, и более всего из числа германских, очень тяжело провинились перед ними...» (4-я глава 16-й книги «Идеи к философии истории человечества»).

Внутреннее оформление русской души связано с нелёгким и даже трагическим историческим путём, связанным с необходимостью порой несколько раз на веку защищать свою землю в ожесточённых войнах с вторгшимся хорошо обученным и мощно вооружённым врагом. Поэму «Русский урок» Игорь Григорьев начинает с поэтического анализа «семивековой атаки» на «крестном своём рубеже»:

*В раскосые зраки Батыея
Ты блазилась взятой уже.
Россия, Россия, Россия
На крестном своём рубеже!*

*До Волжских могил от Мамаея –
Война неземной долины,
Атака семивековая,
Беда без суда, без вины.*

*Во имя любви и воли
Бездонная крови река.
Превыше и горше юдоли
Не ведали даль и века.*

Поэт сравнивает два менталитета: вражеский («зависть душонку изгрызла») и защитников России, бескорыстных, «живущих для смысла». Они готовы на самопожертвование и взаимовыручку, одерживая тем победу, затем обязательно возводя храмы в честь этой Победы, создавая иконы, подчёркивая значимость Божественного покровительства и силу одухотворённости народа, национального духа в служении и молитвенном подвижничестве, в Божьем послушании, чего никогда не могли понять инородцы и инославные.

Основная часть поэмы посвящена защите Отечества во время Великой Отечественной войны.

*«Держаться, держаться, держаться,
Бутылками танки рубя!
Мы – дома: не сметь унижаться!
Последний патрон – для себя!»*

*– А кто повеленье преступит –
Платить нерасплатной ценой:
Бесчестья и смерть не искупит.
Всё поняли? Рота, за мно-ой!..*

«Дать нелюди Русский Урок», сокрушив её, – вот духовный портрет наших предков на протяжении веков. Поэт тщателен в выборе слов, порой жестковатой интонации, отчётливого народного начала:

*И можешь – не можешь – обязан
Добраться! Добечь! Доползти!
Душа заклинает и разум:
Не глина – Отчизна в горсти!*

Игорь Григорьев тяготеет к эпическому изложению в его трагическом лиризме, несмотря на то что Россия – «купальница адского чана», в скорбях, жажде жить и в кровавых ранах, в ней живёт память о Святой Руси – русском служении, молитве, верности отеческим заветам.

*Не падать бы навзничь с откосов
С глухою боязнью в душе –
Решиться, как Саша Матросов,
На вражьем застыть блиндаже!*

*Удел не кляня окаянный,
Оставить земное житьё,
Как мних Пересвет покаянный,
Скрестив роковое копьё!*

*Бесслёзно во мгле потрясений
Покинуть возлюбленный край,
Как облетный Сергей Есенин,
Как светоч Рубцов Николай.*

Наши духовные ориентиры – великие воины и художники, поэты – сияют нам чистотой помыслов и любви к своему народу, в своей неувядаемой силе духа.

Понятие национальной почвы волновало Игоря Григорьева – в этом оригинальность его творческого голоса и этому служит богатство народного поэтического словаря. Он заботился в последние годы жизни о том, чтобы без архаичности и стилизации, но на русской почве, «на языке отцов и дедов» национальное в нашей жизни после тридцати лет переписывания истории и навязывания псевдокультуры всё-таки пусть мучительно, поступательно самоопределилось. В благодарности за божественное предначертание победы духа, в покаянии, в любви к Богу, Родине и матери, служении своему роду и народу струится свет истины и Русский урок:

*Матери наши и сёстры,
Братья, отцы и деды,
Прошли вы
Несчётные вёрсты.
Извели
Радость и беды.*

*Прошли.
И нести не устали
Огромную ношу буден!..
Неправда,
Что вы из стали,
Вы – просто русские люди.*